

Это были глаза, полные глубокого чувства. Или же, подумал Цзян Шоюянь, они лишь кажутся такими из-за того что глубоко посажены, а надбровные дуги при этом высокие. Преимущество строения лица, свойственное жителям Запада.

На руку упала ледяная капля. Цзян Шоюянь медленно опустил веки, его взгляд легко скользнул по переносице и губам стоящего перед ним человека, по капле воды, собравшейся на подбородке, по едва дрогнувшему кадыку и влажному гидрокостюму, пока наконец не остановился на капле морской воды на тыльной стороне собственной ладони. Стоило ему моргнуть, как он услышал спокойную, безупречную речь на путунхуа:

— Китаец?

Цзян Шоюянь вскинул бровь и снова поднял глаза. Чэн Цзайе слышал своё стучащее словно барабан сердце. Оно словно напоминало ему, что это не абсурдный сон после покорения предельной волны.

Не то чтобы ему раньше не снились такие сны, и не то чтобы он в шумной городской суете по ошибке не бросался к чужим людям. Всякий раз, сталкиваясь с кем-то взглядом, он приносил извинения, в которых ещё сквозил шлейф отхлынувшей радости. Чэн Цзайе и самому казалось удивительным: почему он так ясно помнит человека, которого видел мельком всего несколько раз? Очертания, прорисованные во снах, обрастали деталями, они мало чем отличались от реальности. Разве что он немного похудел, а его взгляд теперь более ленивый и усталый. Это вызывало некую робость.

Чэн Цзайе никогда не был так спокоен и в то же время никогда не чувствовал себя так скованно. Ему хотелось сказать так много, но когда слова уже подступили к горлу, он не знал, какое именно выбрать. Он медленно выпрямился, солнечный свет из-за его спины вновь упал на лицо Цзян Шоюяня. В ослепительно-оранжевом сиянии Чэн Цзайе, улыбаясь, услышал свои слова:

— Моя мама тоже китаянка.

***

Мужчина, принеся с собой запах влажного морского бриза, сел рядом с Цзян Шоуянем и постепенно согрелся под солнцем пляжа. Он сказал, что его зовут Чэн Цзайе, он носит фамилию матери. При этих словах он слегка наклонил голову, стирая капельку, собравшуюся на подбородке.

Цзян Шоуянь вспомнил ту каплю морской воды, что случайно упала ему на руку, оставив на тыльной стороне прохладный мокрый след. Ещё Цзян Шоуянь вспомнил мужчину, падающего спиной в воду в обнимку с сёрфбордом, и тот крик с берега: «Zephyr!». Увидев озадаченное выражение лица Чэн Цзайе, Цзян Шоуянь понял, что неосознанно произнёс это имя вслух. Впрочем, он не счёл это чем-то особенным, его лицо осталось невозмутимым.

Чэн Цзайе улыбнулся, его глаза изогнулись полумесяцами, излучая дружелюбие.

— Да, это моё английское имя. Ты слышал, как они меня звали?

По равнодушному взгляду Цзян Шоуяня Чэн Цзайе понял, что мужчина давно забыл его. В тот год произошла лишь мимолётная случайная встреча, а последующие их пересечения были замечены только самим Чэн Цзайе. Но это не имело значения. Чэн Цзайе потёр песок в ладонях и спросил:

— Скажешь мне своё имя?

Цзян Шоуянь отвёл взгляд от его лица, посмотрел на пляж чуть поодаль и с пропитанной солнцем ленцой произнёс:

— Цзян Шоуянь.

Он услышал, как Чэн Цзайе медленно пробует эти три слога на вкус, и, несмотря на соблюдение социальной дистанции, в этом прозвучала какая-то невыразимая двусмысленность.

Цзян Шоуянь уже не был мальчишкой, он прекрасно видел эмоции в этих глазах, но интереса они у него не вызывали. Поэтому, когда собеседник достал телефон из водонепроницаемого чехла и спросил, можно ли добавить его в WeChat, Цзян Шоуянь с сожалением похлопал по своим пустым карманам.

— Мне очень жаль, я не взял с собой телефон.

И это не было ложью. После увольнения мир Цзян Шоуяня стал тихим. На родине у него не осталось близких друзей, с которыми нужно было поддерживать связь, а уж в Кашкайше и подавно. Цзян Шоуянь хотел налегке выходить на улицу, хотел без лишних хлопот найти тихое место. Он не хотел никаких привязанностей, не хотел никакого бремени.

Их взгляды встретились, и Чэн Цзайе понял, что это вежливый отказ. Отсутствие телефона — отговорка, ведь при желании можно найти аккаунт по ID или номеру телефона.

Цзян Шоуяню стало не по себе: его собеседник сник, а мокрые волосы делали его вид и вовсе плачевным. Он сменил тему, взглянув на мужчину, всё ещё стоявшего столбом на берегу в обнимку с доской:

— Это твой друг? Кажется, он всё ещё ждёт тебя.

Чэн Цзайе проследил за его взглядом. Приятель, опираясь на ган — доску выше его собственного роста, пожал плечами, и на лице его читалось: «Брат, ты наконец-то вспомнил, что здесь есть ещё один живой человек?»

Примечание переводчика. Ган (gun) — тип доски для сёрфинга, предназначенный для катания на очень больших волнах. Она длинная и узкая, что помогает сёрферу набрать высокую скорость, необходимую для того, чтобы поймать быструю волну.

Чэн Цзайе встал и сказал:

— Подожди немного. — Словно не доверяя ситуации, он поджал губы и, пятясь назад, повторил: — Я сейчас вернусь... Пожалуйста, не уходи.

Когда они сидели рядом, это не бросалось в глаза, но теперь, увидев его бок о бок с другим человеком, Цзян Шоюань обнаружил, что Чэн Цзайе очень высок. Даже в облегающем гидрокостюме его пропорции смотрелись отлично. Его будто благословили солнце и дожди — он явно проводил много времени на свежем воздухе и напоминал полное энергии дерево, излучающее дикую, устремлённую ввысь жизненную силу.

Чэн Цзайе. Zephyr. Цзян Шоюань мысленно произнёс эти два имени и удивительным образом пересёкся взглядом с обернувшимся Чэн Цзайе. Взгляд был мимолётным — словно тот просто хотел удостовериться, что Цзян Шоюань всё ещё на месте. Цзян Шоюань нашёл это забавным: словно он непослушный детсадовец, способный в любой момент удрать. Он поудобнее устроился, положив подбородок на скрещённые руки, и слегка прищурился.

Наблюдать за тем, как Чэн Цзайе идёт по пляжу, было истинным наслаждением. Казалось, заряжаешься от него этой неиссякаемой жизненной силой, и мир вокруг наполняется красками. Приятель позади Чэн Цзайе дружелюбно помахал Цзян Шоюаню рукой. Цзян Шоюань выпрямился и вежливо ответил тем же. Над головой раздался голос Чэн Цзайе:

— Прогноз погоды чуть позже обещает дождь. Тут дожди летом — редкость.

Цзян Шоюань, внимательно слушая, поднял голову и заметил, как у того едва уловимо дёрнулся кадык — похоже, он нервничал.

— Где ты остановился? Я на машине, если это далеко, может, тебя подвезти? — Он казался таким бесхитростным: осторожная попытка прощупать почву ясно читалась в его глазах: всё было как на ладони.

Цзян Шоюань ответил:

— Недалеко, я дойду пешком.

На лице Чэн Цзайе отразилось разочарование, но он упрямо не сдвинулся с места, словно на что-то решившись. Тогда Цзян Шоуянь всё же ответил, наугад назвав ориентир, который видел на указателе, пока шёл по пешеходной улице. Взгляд Чэн Цзайе дрогнул, он хотел расспросить подробнее, но всё же сдержался и сказал:

— Скоро начнётся прилив. Идешь обратно?

Цзян Шоуяню не следовало соглашаться, но, встретившись с ним глазами, он никак не мог заставить себя произнести слова отказа. Поэтому он кивнул и сказал: «Хорошо».

Друг за другом они вышли по тропинке на приморский проспект, где ряды пальм уходили вдаль вдоль дороги. Они шли молча, пока не добрались до открытой парковки. Чэн Цзайе обернулся, его тень накрыла Цзян Шоуяня.

— Придешь сюда завтра?

Цзян Шоуянь поднял голову, щурясь от бьющего в глаза солнца. Тогда Чэн Цзайе сделал ещё шаг вперёд, и его тень полностью окутала Цзян Шоуяня. Чэн Цзайе сократил расстояние между ними, сделав его почти интимным, перейдя границы обычной вежливости, — их дыхание время от времени смешивалось. Цзян Шоуянь не отстранился, но сделал вид, что ничего не понимает.

— Не приду, — ответил он.

— А послезавтра?

— Не знаю.

Чэн Цзайе слегка сжал кулаки, выглядя при этом немного беспомощным. Но сдаваться просто так он не хотел:

— Ничего страшного. Я живу недалеко и в ближайшие дни буду здесь.

Во взгляде Цзян Шоуяня промелькнуло едва заметное волнение. За годы работы переводчиком он встречал много иностранцев. Немало из них проявляли к нему симпатию, но в их словах и взглядах сквозило лишь легкомысленное желание провести вместе ночь. В них не было той искренности, что у Чэн Цзайе.

Эта искренность даже озадачила Цзян Шоуяня, заставив невольно задаться вопросом: почему? Он не находил решения и не мог ничего предложить в ответ. Он был одинок и лёгок, даже его душа была пуста, он не мог ничего дать этому прямолинейному и пылкому мужчине. Он не мог ничего обещать и не мог ответить взаимностью. Оставалось лишь улыбнуться и откланяться.

Улыбка Чэн Цзайе вышла чуть горькой, но он всё же мягко попрощался:

— Цзян Шоуянь, — он очень нежно произнёс имя, которое узнал только сегодня. — До свидания.

Когда они расходились, пальцы Цзян Шоуяня скользнули по карману брюк и наткнулись на твёрдый уголок. Его осенило: неправда, что у него сегодня с собой совсем ничего нет. У него осталась открытка из упаковки с паштел-де-ната. Пусть это не бог весть какая ценность, зато на ней написано чудесное пожелание.

Когда Цзян Шоуянь остановился и обернулся, он увидел, как в глазах Чэн Цзайе вспыхнул огонёк. Ему нечего было дать, так пусть подарком послужит хотя бы это благословение. Цзян Шоуянь протянул открытку Чэн Цзайе и с улыбкой произнёс:

— Желаю тебе каждый день быть счастливым.

Чэн Цзайе застыл на месте. До боли знакомая мультяшная рожица и узорная вязь иероглифов на открытке ошеломили его, вызвав иллюзию лёгкого головокружения. Он вспомнил день своего совершеннолетия: на восемнадцатилетие родители подарили ему дом у моря в Кашкайше. Стоя тогда у окна и глядя на бескрайнюю береговую линию вдаль, он думал о лице Цзян Шоуяня. Чэн Цзайе сказал, что хочет сдавать дом, но только туристам из Китая.

За несколько дней до того, как выставить объявление об аренде, Чэн Цзайе отправил макет открытки в пекарню, с которой договорился о регулярной доставке, и попросил вкладывать эту карточку в каждую коробку с паштел-де-ната. Эта открытка была неизменным благословением, отправляемым по неизменному адресу.

Чэн Цзайе не раз задумывался: если однажды Цзян Шоуянь приедет в Лиссабон как турист, поселится ли он в его доме? И хотя надежда была призрачной, он не пытался искать ей подтверждения, вглядываясь в лицо каждого арендатора.

Он был натурой свободной и спонтанной, но порой находил в этой фантазии тонкое, едва уловимое удовлетворение. За шесть лет многое могло измениться, но неизменным оставался тот дом у моря, всегда припасённое вино, свежие тарты и открытка с надписью на китайском «Желаю тебе каждый день быть счастливым» внутри коробки.

Встреча в семнадцать лет стала сном, воспоминание о котором он хранил семь лет. Теперь этот сон превратился в подарок, прошедший сквозь годы, и наяву предстал перед Чэн Цзайе. Он взял открытку, и его пальцы долго гладили её края. Хотя он не знал, почему Цзян Шоуянь выдумал случайный адрес, чтобы отмахнуться от него... Это не имело значения. Он ощутил искреннюю радость:

— Спасибо, и ты тоже будь счастливым. Каждый день.

Глядя на его светлую улыбку, Цзян Шоуянь подумал, что этого мужчину и впрямь легко обрадовать.

***

Стоило Чэн Цзайе подъехать к дому, как он получил сообщение от Пауло. Он припарковался, заглушил мотор, взял телефон с центральной консоли и открыл Skype.

Пауло: (Информация о жильце, которую ты просил.)

Пауло: [Изображение]

Пауло: [Изображение]

Пауло: (Ты же обычно не лезешь в то, кому сдан дом. С чего вдруг такая активность сегодня?)

Чэн Цзайе не ответил, открыв информацию о визе. На фотографии был мужчина, с которым он совсем недавно попрощался. Он внимательно вчитался: виза для поиска работы, Job Seeker Visa, тип D, срок — 120 дней. Чэн Цзайе с облегчением выдохнул: это не краткосрочная туристическая виза.

Не дождавшись ответа, Пауло прислал ещё несколько сообщений. Уведомления о прочтении загорались одно за другим, но у Чэн Цзайе не было желания на них отвечать. Вместо этого он набрал текст.

Zerphug: (Хочу задать тебе вопрос.)

Zerphug: (Как по-твоему, я нравлюсь людям?)

Пауло: ?

Пауло: (Ты сейчас хвастаешься, что ли?)

Пауло: (Разве не у тебя чаще всего просят инстаграм, когда мы куда-то выбираемся?)

Чэн Цзайе смотрел на эти строчки и долго молчал.

Зерхуг: (Тогда почему он не захотел дать мне свои контакты?)

Пауло: (Кто — он?)

Пауло: (Ты о чём вообще?)

Пауло мгновенно оживился и начал строчить сообщения с такой скоростью, что, казалось, жажда сплетен вот-вот заставит его вылезти из экрана и схватить Чэн Цзайе за грудки. Чэн Цзайе не ответил. Он провёл большим пальцем по экрану вниз, снова возвратясь к фото с визы.

Открыв его, он долго вглядывался в лицо Цзян Шоуяня. Чёрные волосы, белая рубашка, чуть приподнятые уголки глаз, которые казались холодными, когда он был серьёзен, но становились невероятно притягательными, стоило ему улыбнуться.

Чэн Цзайе сохранил этот снимок в альбом на телефоне под названием Riley. Это фото стало там единственным портретом.

<http://bllate.org/book/14908/1337941>